

Фестиваль медленного чтения «Иерусалим как женщина», 24-29 июня 2015

Иерусалим как женщина у Бреннера и Агнона

Материалы к лекции **Ариэля Хиршфельда**

Торквато Тассо (Италия, XVI в.)

«Иерусалим освобожденный», из Песни XII, пер. Владимира Лихачева

52

Искусного бойца в ней усмотрев,
Он силами померяться с ней хочет.
Пока она другого входа ищет,
Как тень он от нее не отстает.
Клоринда, обернувшись, восклицает:
"Кто ты такой? Зачем меня так пылко
Преследуешь и что приносишь мне?" -
"Войну и смерть!" - Танкред ей отвечает.

Vuol ne l'armi provarla: un uom la stima
degn a cui sua virtù si paragone.
Va girando colei l'alpestre cima
verso altra porta, ove d'entrar dispone.
Segue egli impetuoso, onde assai prima
che giunga, in guisa avien che d'armi suone,
ch'ella si volge e grida: "O tu, che porte,
che corri sí?" Risponde: "E guerra e morte."

53

"Войну и смерть! Что ищешь, то получишь", -
Сказала и уже готова к бою;
Танкред желает драться также пешим
И спрыгивает на землю с коня:
Вмиг оба нападают друг на друга,
И гордостью пылая, и враждою.
Так бьются два быка, когда ревнивой
И яростной любовью возгорятся.

"Guerra e morte avrai;" disse "io non rifiuto
darlati, se la cerchi", e ferma attende.
Non vuol Tancredi, che pedon veduto
ha il suo nemico, usar cavallo, e scende.
E impugna l'uno e l'altro il ferro acuto,
ed aguzza l'orgoglio e l'ire accende;
e vansi a ritrovar non altrimenti
che duo tori gelosi e d'ira ardenti.

54

Вам поприще обширней было нужно,
Противники-герои! Хоть бы солнце
Дела отваги вашей озарило!
О ночь, что скрыла их в своих тенях,
Дозволь поднять мне плотную завесу
И показать их племенам грядущим!
Пусть славу их увидит свет и пусть
Живет в воспоминаньях смертных вечно!

Degne d'un chiaro sol, degne d'un pieno
teatro, opre sarian sí memorande.
Notte, che nel profondo oscuro seno
chiudesti e ne l'oblio fatto sí grande,
piacciati ch'io ne 'l tragga e 'n bel sereno
a le future età lo spieghi e mande.
Viva la fama loro; e tra lor gloria
splenda del fosco tuo l'alta memoria.

55

Нет отступленья им и нет прикрытья:
Ни к хитрости, ни к ловкости прибегнуть
Они во тьме и в ярости не могут;
Их ноги неподвижны и тверды,
А руки их в движенье непрестанном;
Мечи их сыплют искры, друг о друга
Со звоном ударяясь: что ни взмах,
То колет или рубит меч противный.

Non schivar, non parar, non ritirarsi
voglion costor, né qui destrezza ha parte.
Non danno i colpi or finti, or pieni, or scarsi:
toglie l'ombra e 'l furor l'uso de l'arte.
Odi le spade orribilmente urtarsi
a mezzo il ferro, il piè d'orma non parte;
sempre è il piè fermo e la man sempre 'n moto,
né scende taglio in van, né punta a vòto.

Глумленье месть влечет, а месть - глумленье,
 И пуще распалются сердца;
 Все уже, уже место поединка,
 Противник же к противнику все ближе.
 Они уже не думают о том,
 Чтоб лезвиями лишь мечей сражаться:
 Пускают в ход они и рукоятки,
 И шлемами сшибаясь, и щитами.

L'onta irrita lo sdegno a la vendetta,
 e la vendetta poi l'onta rinnova;
 onde sempre al ferir, sempre a la fretta
 stimol novo s'aggiunge e cagion nova.
 D'or in or piú si mesce e piú ristretta
 si fa la pugna, e spada oprar non giova:
 dansi co' pomi, e infelloniti e crudi
 cozzan con gli elmi insieme e con gli scudi.

Сжимал три раза мощными руками
 Танкред Клоринду, и освобождалась
 Три раза из жестоких уз она,
 Неведомо Амуром услажденных;
 И за мечи они берутся снова,
 И снова их окрашивают кровью.
 В конце концов приходится на миг
 Им разойтись, чтоб с силами собраться.

Tre volte il cavalier la donna stringe
 con le robuste braccia, ed altrettante
 da que' nodi tenaci ella si scinge,
 nodi di fer nemico e non d'amante.
 Tornano al ferro, e l'uno e l'altro il tinge
 con molte piaghe; e stanco ed anelante
 e questi e quegli al fin pur si ritira,
 e dopo lungo faticar respira.

Найдя себе в мечях опору, оба
 Один другого молча созерцают.
 Заря уж обагренила восток
 И звезд ночных ослабила сиянье.
 Танкред гордится тем, что на его
 Доспехах меньше крови, чем на вражьих:
 Безумные, как слепо предаемся
 Мы сладостно-обманчивым надеждам!

L'un l'altro guarda, e del suo corpo essangue
 su 'l pomo de la spada appoggia il peso.
 Già de l'ultima stella il raggio langue
 al primo albor ch'è in oriente acceso.
 Vede Tancredi in maggior copia il sangue
 del suo nemico, e sé non tanto offeso.
 Ne gode e superbisce. Oh nostra folle
 mente ch'ogn'aura di fortuna estolle!

Победой злополучной обольщенный,
 Не рано ль торжествуешь ты, несчастный?
 За каплю крови каждую врага
 Твои глаза потоком слез заплатят!
 Бойцы стоят сначала неподвижно
 И взглядами пытаются лишь друг друга;
 Но тягостно молчанье для Танкреда,
 И первый нарушает он его:

Misero, di che godi? oh quanto mesti
 fiano i trionfi ed infelice il vanto!
 Gli occhi tuoi pagheran (se in vita resti)
 di quel sangue ogni stilla un mar di pianto.
 Così tacendo e rimirando, questi
 sanguinosi guerrier cessaro alquanto.
 Ruppe il silenzio al fin Tancredi e disse,
 perché il suo nome a lui l'altro scoprisse:

"По праву от судьбы мы ждать могли бы,
 Что поединок наш произойдет
 На поприще, достойном нашей славы;

"Nostra sventura è ben che qui s'impieghi
 tanto valor, dove silenzio il copra.
 Ma poi che sorte rea vien che ci neghi

Но так как этой милости она
Лишила нас, то удостой хотя бы
Открыть свое мне имя и рожденье,
Чтоб я узнал теперь же, кто почит
Меня в победе или пораженье". -

61

"Ты у меня исторгнуть хочешь тайну,
Которой я ни одному доньне
Врагу не открывал. Что значит имя?
Довольно знать тебе, что я один
Из воинов, огню предавших башню".
Танкред приходит в ярость и кричит
Клоринде: "Варвар! И твоя утайка,
И речь твоя равно взывают к мести".

62

И снова гнев владеет их сердцами,
И снова бой пылает: что за бой!
Уж ими управляет не искусство,
А бешенство слепое; без расчета
Удар наносят руки за ударом.
От ног до головы в крови и в ранах,
Не падают они лишь оттого,
Что ярость в них поддерживает бодрость.

63

Так бурные в Эгейском море волны,
Хоть ветры, их поднявшие, давно
Спокойно улеглись в свои пещеры,
Вздываются еще горами долго,
Покорные начальному движенью.
И так же два воителя, хотя
Их силы истощились, остаются
Во власти злобы, их воспламенившей.

64

Но вот настал тот неизбежный час,
Когда Клоринды жизнь должна пресечься:
Танкред ей в грудь прекрасную наносит
Удар мечом; железо входит в тело
И кровью упивается, и вся
В крови ее наружная одежда.
Колена подгибаются под нею,
И чувствует она, что умирает.

e lode e testimon degno de l'opra,
pregoti (se fra l'arme han loco i preghi)
che 'l tuo nome e 'l tuo stato a me tu scopra,
acciò ch'io sappia, o vinto o vincitore,
chi la mia morte o la vittoria onore."

Risponde la feroce: "Indarno chiedi
quel c'ho per uso di non far palese.
Ma chiunque io mi sia, tu inanzi vedi
un di quei due che la gran torre accese."
Arse di sdegno a quel parlar Tancredi,
e: "In mal punto il dicesti"; indi riprese
"il tuo dir e 'l tacer di par m'alletta,
barbaro discortese, a la vendetta."

Torna l'ira ne' cori, e li trasporta,
benché debili in guerra. Oh fera pugna,
u' l'arte in bando, u' già la forza è morta,
ove, in vece, d'entrambi il furor pugna!
Oh che sanguigna e spaziosa porta
fa l'una e l'altra spada, ovunque giugna,
ne l'arme e ne le carni! e se la vita
non esce, sdegno tienla al petto unita.

Qual l'alto Egeo, perché Aquilone o Noto
cessi, che tutto prima il volse e scosse,
non s'accheta ei però, ma 'l suono e 'l moto
ritien de l'onde anco agitate e grosse,
tal, se ben manca in lor co 'l sangue vòto
quel vigor che le braccia a i colpi mosse,
serbano ancor l'impeto primo, e vanno
da quel sospinti a giunger danno a danno.

Ma ecco omai l'ora fatale è giunta
che 'l viver di Clorinda al suo fin deve.
Spinge egli il ferro nel bel sen di punta
che vi s'immerge e 'l sangue avido beve;
e la veste, che d'or vago trapunta
le mammelle stringea tenera e leve,
l'empie d'un caldo fiume. Ella già sente
morirsi, e 'l piè le manca egro e languente.

Танкред победу хочет довершить
 И снова меч заносит над Клориндой;
 Но падает она, и озаряет
 Ее внезапный луч, упавший с неба:
 Он входит в сердце к ней, и христианкой
 Неверная становится мгновенно.
 И голосом, уж гаснувшим, она
 Последние слова чуть произносит:

"Победа, друг, осталась за тобой;
 Прости меня, как я тебя прощаю!
 О теле уж покончены заботы,
 Нуждается душа лишь в состраданье;
 Водой, твоей молитвой освященной,
 Покой и чистоту ей возврати".
 От этих скорбных слов глаза Танкреда
 Слезами орошаются невольно.

Из недр земли с журчанием певучим
 Ручей неподалеку вытекает;
 Его водой наполнив шлем, Танкред
 Спешит назад исполнить долг священный.
 Дрожа, снимает шлем он с головы
 Неведомого воина и видит
 И узнает, и нем и неподвижен:
 О, страшный вид! О, роковая встреча!

Готовый умереть, он собирает
 Свои все силы вдруг, чтоб поскорее
 Возлюбленной бессмертную жизнь дать
 Взамен земной, что у нее он отнял.
 При звуке слов молитвенных лицо
 Клоринды озаряется улыбкой,
 Как будто говорит она: "Открылись
 Передо мной небесные врата".

Segue egli la vittoria, e la trafitta
 vergine minacciando incalza e preme.
 Ella, mentre cadea, la voce afflitta
 movendo, disse le parole estreme;
 parole ch'a lei novo un spirto ditta,
 spirto di fé, di carità, di speme:
 virtù ch'or Dio le infonde, e se rubella
 in vita fu, la vuole in morte ancella.

"Amico, hai vinto: io ti perdon... perdona
 tu ancora, al corpo no, che nulla pave,
 a l'alma sí; deh! per lei prega, e dona
 battesimo a me ch'ogni mia colpa lave."
 In queste voci languide risuona
 un non so che di flebile e soave
 ch'al cor gli scende ed ogni sdegno ammorza,
 e gli occhi a lagrimar gli invoglia e sforza.

Poco quindi lontan nel sen del monte
 scaturia mormorando un picciol rio.
 Egli v'accorse e l'elmo empié nel fonte,
 e tornò mesto al grande ufficio e pio.
 Tremar sentí la man, mentre la fronte
 non conosciuta ancor sciolse e scoprio.
 La vide, la conobbe, e restò senza
 e voce e moto. Ahi vista! ahi conoscenza!

Non morí già, ché sue virtuti accolse
 tutte in quel punto e in guardia al cor le mise,
 e premendo il suo affanno a dar si volse
 vita con l'acqua a chi co 'l ferro uccise.
 Mentre egli il suon de' sacri detti sciolse,
 colei di gioia trasmutossi, e rise;
 e in atto di morir lieto e vivace,
 dir pareo: "S'apre il cielo; io vado in pace."

Уж с бледностью фиалки белизна
 Лилей на ее щеках в предсмертный
 Сливаются налет; глаза на небо
 Упорно устремив, она герою
 В знак мира холодеющую руку
 Протягивает с нежностью безмолвной,
 Все в том же положении выпускает
 Последний вздох и кажется уснувшей.

Все силы, что Танкреду удалось
 Собрать в себе, его вдруг покидают:
 Беспомощно он отдается скорби,
 Сжимающей и холодящей сердце.
 Смерть - на лице его, и та же смерть -
 Во всех его и помыслах и чувствах.
 Оцепенелый, бледный и безмолвный,
 Являет он отчаянье живое.

[...]

Пронзи вот эту грудь! И это сердце
 Злосчастное на части разорви!
 Но ты умеешь быть жестоким только,
 А твой удар мне благостней был бы!
 И бедственной любви живым примером
 Я на земле останусь: для такого
 Преступника влачить в позоре дни -
 Поистине единственная кара.

Отныне жить средь палачей своих,
 Средь угрызений совести я буду;
 Бояться буду ночи одинокой,
 Напоминанья гибельной ошибки;
 И буду ненавидеть это солнце,
 Что грех мой осветило: самого
 Себя боясь, себя я буду бегать
 И снова находить везде себя же.

D'un bel pallore ha il bianco volto asperso,
 come a' gigli sarian miste viole,
 e gli occhi al cielo affisa, e in lei converso
 sembra per la pietate il cielo e 'l sole;
 e la man nuda e fredda alzando verso
 il cavaliere in vece di parole
 gli dà pegno di pace. In questa forma
 passa la bella donna, e par che dorma.

Come l'alma gentile uscita ei vede,
 rallenta quel vigor ch'avea raccolto;
 e l'imperio di sé libero cede
 al duol già fatto impetuoso e stolto,
 ch'al cor si stringe e, chiusa in breve sede
 la vita, empie di morte i sensi e 'l volto.
 Già simile a l'estinto il vivo langue
 al colore, al silenzio, a gli atti, al sangue.

Passa pur questo petto, e ferì scempi
 co 'l ferro tuo crudel fa' del mio core;
 ma forse, usata a' fatti atroci ed empì,
 stimi pietà dar morte al mio dolore.
 Dunque i' vivrò tra memorandi essempli
 misero mostro d'infelice amore:
 misero mostro, a cui sol pena è degna
 de l'immensa impietà la vita indegna.

Vivrò fra i miei tormenti e le mie cure,
 mie giuste furie, forsennato, errante;
 paventarò l'ombre solinghe e scure
 che 'l primo error mi recheranno inante,
 e del sol che scoprì le mie sventure,
 a schivo ed in orrore avrò il semiante.
 Temerò me medesimo; e da me stesso
 sempre fuggendo, avrò me sempre appresso.

Шмуэль Йосеф Агнон (1888-1970). «Там, внутри, в стенах Твоих...»

(Перевод И. Печерского)

Ноги её легки, всякая кривая дорога выпрямляется под её ногами. Камни преткновения, о которые я спотыкаюсь, разглаживаются сами собой ей навстречу. Даже улицы, потерявшие свои входы и выходы, превращаются для неё в верную дорогу. И обломки разрушенных домов стараются исчезнуть под её ногами. И нет для неё ни подъемов, ни спусков.

Всякое место в Городе знакомо Лее – как знакомо всякое место в книге тому, кто выучил её наизусть – ведь в стенах Города прошли дни её юности. И даже сейчас ты чувствуешь, что были эти годы – годы там, внутри, в стенах Города – лучшими годами в жизни Леи.

Идёт по Городу Лея, вместе со мной, из квартала в квартал, из переулочка в переулочек. Рукой придерживает она подол длинного платья, достигающего ей до самых ступней. И платье её почти касается земли – но лишь почти.

«Облака застлали небо» – сказал я Лее. Лея кивнула мне в знак согласия, и сказала: «Шкура небес покрылась морщинами». Я уже говорил вам, что детство Леи прошло там, внутри, в стенах Города, и знаком ей в Городе всякий камень. На этом камне – играла в куклы. А на этом – отец чертил ей образы букв Святого языка, в те дни, когда начала Лея учить Тору. Она – единственная дочь у отца своего, и потому держал он для неё лучших учителей, чтобы обучали её Торе. Но самые первые буквы он сам, своими руками, чертил для неё на камнях. А я? Мне ведь тоже знакомы какие-то из сокровенных мест Города – там, внутри, за стеной. Но не могу сравниться я в этом с Леей – Леей, дочерью Иерусалима, Леей, которая провела вместе со своим отцом лучшие дни юности там, внутри, в стенах Города. Был у отца Леи просторный дом – там, внутри, в стенах Города. Там и жила Лея со своим отцом. А я? Я родился в изгнании, вдалеке от Земли Израиля...

Впрочем, вот уже полвека, как удостоился я подняться в Иерусалим, и найти в Иерусалиме свой дом. Видел я Иерусалим в горести его и в радости, в жару и в стужу, в дождь и в бурю, в Субботы и в праздники, в дни хамсинов – когда всякий прячется в своём доме, спасаясь от оупляющего ветра – и в пасмурные ночи, когда всякий пытается заснуть. Не было дня, чтобы не приходил я в Город. И не было места в Городе, в котором я не побывал – кроме тех мест, куда ни одному из сыновей Израиля нет входа. Одно такое место – мы сами запретили себе заходить туда. И ещё одно место – чужеземцы наложили на нас запрет приходить туда, пока не наступит день, о котором Иехезкель пророчествует в главе Ламед-Вав, в строфе Каф-Хей.

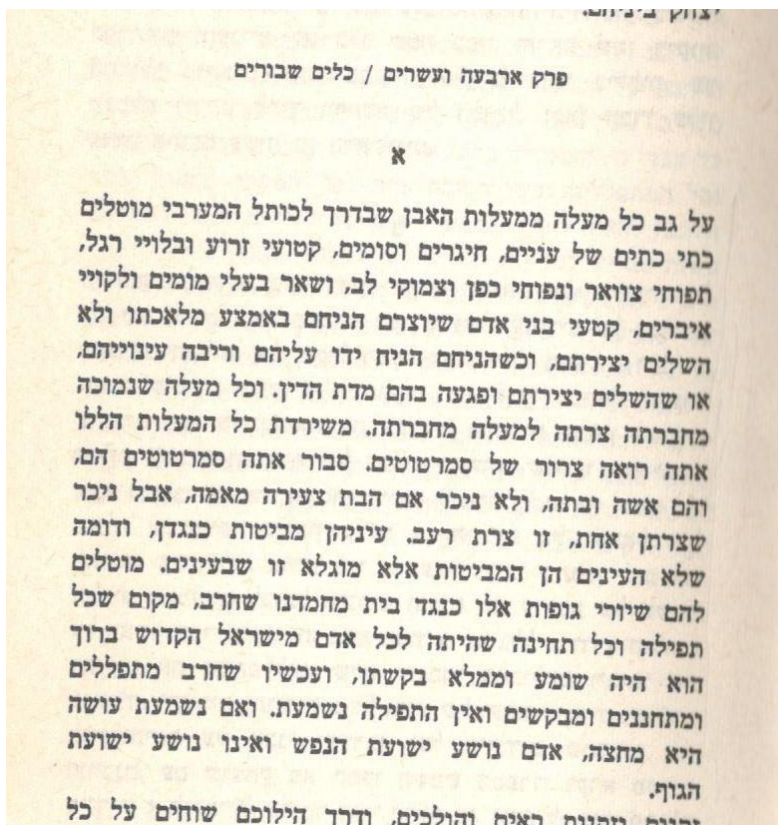
רגליה קלות וכל עקוב לפניו כמישור. אבני נגף שאני מתנגף בהן מחליקות לה פנים ואף הרחובות שאינם יודעים את מוצאיהם ומבואיהם עושים לה דרך ואפילו שיירי הבתים שחרבו מתבטלים לרגליה ואין לפניו לא מעלות ולא מורדות. בקיאה לאה בעיר, שעשתה בה את ימי נעוריה. ועדיין ימי שבתה כאן לפניו מן החומה חזק בה וניכר שאלו מיטב ימיה היו.

מהלכת לה לאה עמי בעיר מרובע לרובע ומרחוב לרחוב. ידה אוזחת בשמלתה הארוכה שמגעת עד למטה מרגליה, ושולי השמלה נגררים עד לאדמה, עד לאדמה ולא על האדמה, שמגבהת לאה את השמלה מקצת משהו למעלה מן האדמה.

ואמרתי לה ללאה מעובים פני רקיע ונענעה לי לאה ראשה דרך הן ואמרה, עור הרקיע מתקמט. לאה כמו שאמרתי עשתה את ימי נעוריה לפניו מן החומה ומכרת כל מקום ומקום וכל אבן ואבן. על אבן אחת שיחקה בכובות ועל אבן אחת חקק לה אביה צורות אותיות לשון הקודש כשהתחילה לומדת תורה, שיחידה היא לאביה, לפיכך היה מחזיק לה מלמדים טובים ללמדה תורה, אבל את האותיות הראשונות חקק הוא לה באצבעו על האבנים. ואף אני מכיר מקצת מן המקומות שבעיר לפניו מן החומה. לא כלאה בת ירושלים שעשתה עם אביה את מיטב ימי נעוריה בעיר לפניו מן החומה, שביט גדול היה לאביה בעיר לפניו מן החומה ובו היתה יושבת עם אביה ואני הרי בחוצה לארץ נולדתי, אלא שכבר לפני שבע שמיטות עליתי לירושלים וקבעתי את דירתי בירושלים וראיתי את ירושלים באבלה ובמשושה בחום ובקור ובגשם ובסופה, בשבתות ובימים טובים, בימות החמסנים שהכל מתחבאים בבתיהם מפני הרוח האטומה ובלילות האפלים שהכל מבקשים בהם שינה. לא היה יום שלא הייתי בעיר ולא היה מקום שלא הייתי שם, חוץ מאותם המקומות שאין אדם מישראל נכנס לשם. מקום אחד משום שגזרנו על עצמנו שלא ליכנס לשם ומקום אחד שגזרו עלינו אחרים שלא לבוא לשם עד לאותו היום שנתבא עליו יחזקאל בסימן לו פסוק כה.

Шмуэль Йосеф Агнон (1888-1970). «Вчера-позавчера», часть двадцать четвертая «Разбитые сосуды»

(Перевод Т. Белицки)

На каждой ступени каменной лестницы, спускающейся к Западной стене, лежит и сидит великое множество нищих: хромых и слепых, безруких и безногих, со вздутой шеей, и распухшими ступнями, и иссохшим сердцем, и разных других калек, человеческих обрубков, которых Создатель оставил в середине работы и не доделал до конца. Но когда прекратил Он их созидание и покинул их, то умножил этим их мучения, а может быть, Он довершил свое дело до конца, но настигла их кара Божия. И чем ниже ступенька, тем горе ее больше. Когда же спустился ты по всем ступеням, видишь связку тряпья. Убежден ты, что это тряпки, а это женщина со своей дочкой, и не ясно, моложе ли дочь своей матери, но ясно, что беда у них одна, это — голод. Глаза их глядят прямо перед собой, но кажется, что не глаза их глядят, а гной — в их глазах. Лежат эти обрубки тел напротив любимого дома нашего, что разрушен, места, где каждую молитву и каждую мольбу каждого еврея Господь, Благословен Он, слышал и исполнял. А теперь, когда разрушен Храм, молимся мы, и умоляем, и просим, но молитва наша не слышна. А если и слышна, то исполняется лишь наполовину — человек исцеляет свою душу, но не исцеляет тело.

Шмуэль Йосеф Агнон (1888-1970). «Теила»

(Перевод Г. Липш)

משער יפו ולמעלה עד לכותל המערבי נמשכים והולכים אנשים ונשים מכל העדות שבירושלים עם עולים חדשים שהביאם המקום למקומם ועדיין לא מצאו את מקומם. ברחבה שלפני הכותל בסוכת שוטרי המנדט ישבו להם שוטרי המנדט כדי שיראו שאין שמירה למתפללים אלא הם. רואים זאת מחרחריו ומחרחרים. מתכנפים המתפללים ונדחקים לאבני הכותל. מהם בוכים מהם תוהים. ואתה ה' עד מתי? כבר ירדנו למדרגה התחתונה ואתה שוהה לגאולנו. מצאתי לי פיסת מקום אצל הכותל. פעמים עמדתי בין המתפללים ופעמים בין התוהים. תוהה הייתי על אומות העולם. לא דיים שטורדים אותנו מכל הארצות. אלא שטורדים אותנו אף בביתנו.

עם שאני עומד נדחקתי ממקומי על ידי שוטר משוטרי המנדט שדחק במגלב שבידו. מה הרגיו לבו של זה שכל כך היה זועם? חולנית אחת זקנה הביאה עמה שרפרף לישב עליו. קפץ השוטר ובעט בשרפרף והפיל את הזקנה ונטל את השרפרף, לפי שעברה על החוק. שחקקו חוקי המנדט, שאסור למתפלל שיביא ספסל לכותל. ראו המתפללים ושתקו, שהרי מי יכול לדין עם שתקיף ממנו. באה אותה הזקנה שהכרתי והביטה בו. השפיל השוטר עיניו והחזיר את השרפרף. קרבתי אצלה ואמרתי לה. יפה כח עיניך מכל הבטחותיה של אנגליא. שאילו אנגליא נתנה לנו דקלרציא של בלפור ומשלחת בנו את פקדיה לבטלה, ואת זקנתי נתת עיניך באותו רשע ובטלת את מיומתי הרעות. ענתה ואמרה לי. אל תאמר כן, גוי טוב הוא. שראה בצערי והחזיר לאותה ענייה את שרפרפה. התפללת מנחה? למה אני שואלת, שאם פנוי אתה אגלגל לידך מצות ביקור חולים. הרבנית שתחיה חלתה. עכשיו חולה ממש היא. אם רצונך בוא ואראה לך דרך קצרה. נטפתי לה והלכתי עמה.

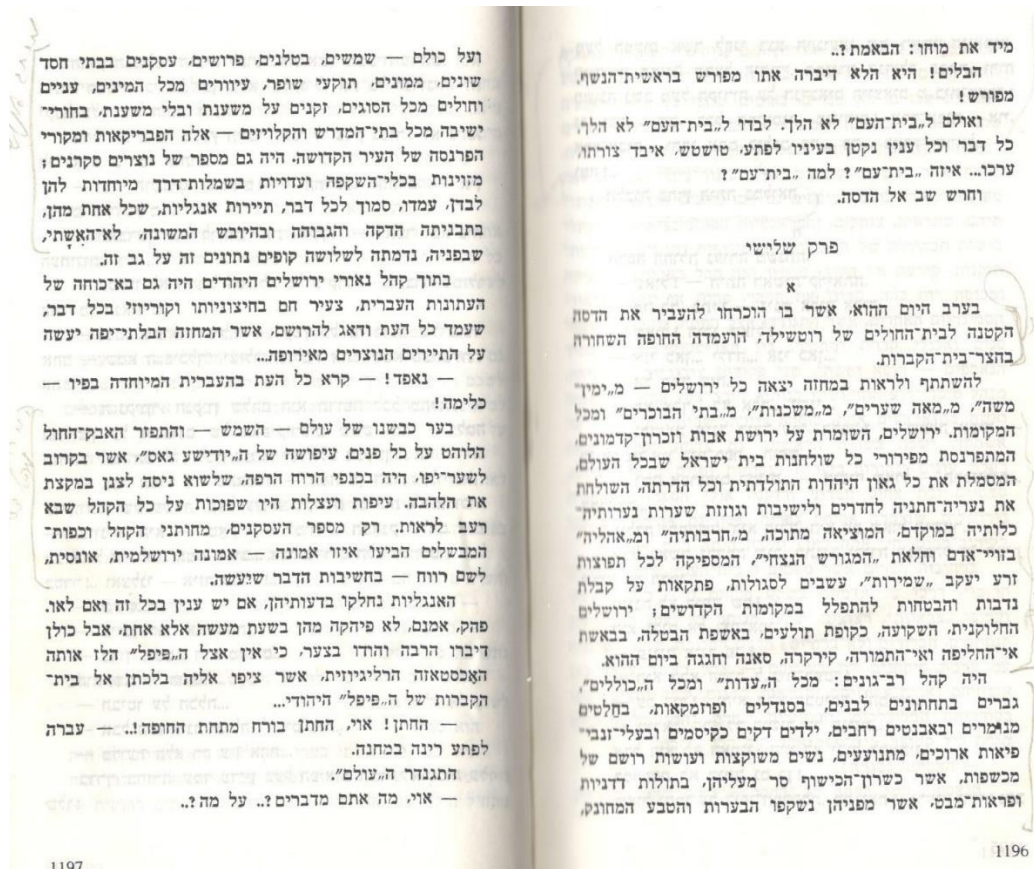
От Яффских ворот и до самой Стены идут и идут мужчины и женщины, из всех общин, какие только есть в Иерусалиме. Идут олим хадашим, которых привел Всевышний на это место, а места они все еще не нашли.

Вдоль всей Стены в будках мандатной полиции расселась мандатная полиция, чтобы всем было видно, что только она охраняет молящихся. Видят это наши враги и украдкой выжидают. Кутаются в талесы молящиеся, втискиваются в камни Стены. Кто молится, а кто дивится: а Ты, Г-споди, доколе? Мы уже опустились до последней ступени, а Ты все не спешишь с Избавлением. Я нашел себе место у Стены и стоял не то среди молящихся, не то среди дивящихся. Я удивлялся народам мира. Мало того, что они угнетают нас во всех странах мира, они то же продолжают и здесь – в нашем же доме.

Пока я стоял и думал, меня согнал с места мандатный полисмен с дубинкой в руке. Что его так разгневало, что он так кипит? Одна болезненная старушка пришла сюда с табуретом. Вскочил полисмен, толкнул табурет, повалил старуху и отобрал у нее табурет. Она преступила закон, начертанный перстом мандата, – нельзя приносить стулья к стене. Все видели, все молчали. Разве добьешься правды у сильного? Пришла моя знакомая старушка и посмотрела на него. Опустил полисмен глаза и возвратил табурет.

Я приблизился к ней и сказал: Ваши глаза сильнее всех обещаний Англии. Англия дала нам декларацию Бальфура и посылает ее же отменяющие приказы, а вы только посмотрели на этого бандита и сразу же рассеяли все его злые помыслы. А она сказала: Не говори так, он хороший, он увидел в глазах огорчение и возвратил бедняге табурет. Вы уже помолились? Почему я спрашиваю? Потому что если да, то я вместе с вами исполню мицву посещения больных. Раввинша, чтобы она была здорова, заболела. Она сегодня очень больна. Если хотите, я поведу вас короткой дорогой. Я согласился и последовал за ней.

Йосеф Хаим Бренер (1881-1921). «Между водами»

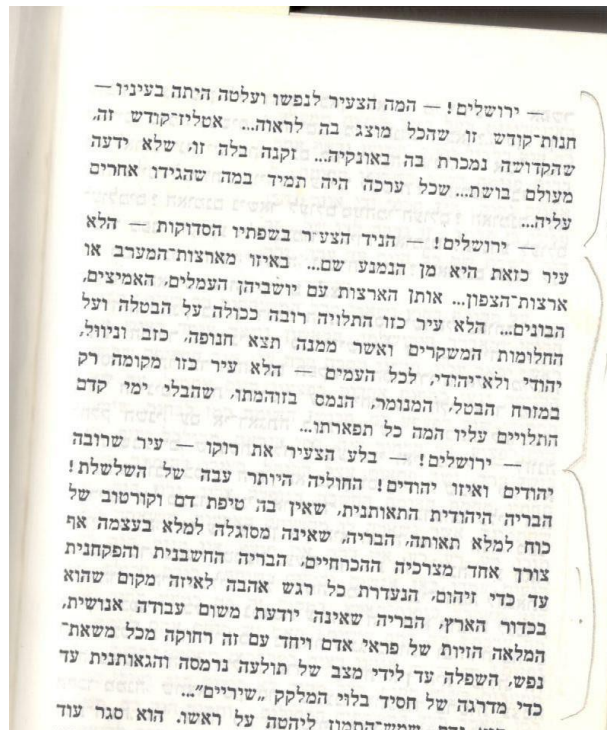
Вечером того дня, когда маленькую Хадасу пришлось перевезти в больницу Ротшильда, поставили черный свадебный балдахин на кладбищенском дворе. Поучаствовать и поглазеть на это зрелище вышел весь Иерусалим – люди из Йемина Моше, Меа Шеарим, Мишкенот, Бухарского квартала и других мест. Иерусалим, хранящий наследие предков и память о прежних временах, питающийся крошками со стола евреев всего мира, символизирующий всю гордость и великолепие исторического иудаизма, посылающий своих отроков-женихов в хедеры и йешивы и рано состригающий волосы своих дочерей-невест, производящий из себя, из своих «руин» и «шатров» убогих людей, несущих печать «вечного изгнания», рассылающий по всем общинам рассеяния семени Иакова обереги, целебные травы, записочки с просьбой о милостыни, и обещания о молитвах в святых местах; Иерусалим, который все время что-то делит, погрязший, как банка с червями, в болоте тунеядства, в вони застоя и инертности, гудел, шумел и праздновал в тот день.

Толпа была пестрой: мужчины из разных землячеств и домов учения в белых штанах, чулках и сандалиях, в пятнистых халатах с широкими поясами, мальчишки, худющие как щепки с развевающимися хвостиками пейсов, брезгливые женщины, смахивающие на ведьм, растерявших свои колдовские чары, грудастые девицы на выданье с безумными взглядами, лицо которых выражало невежество и подавленную природу, и в довершение ко всему – служки, ученые тунеядцы, фарисеи, распорядители богаделен, чиновники; трубящие в бараний рог, слепцы, нищие и больные всех мастей, старцы с палочкой и без палочки, ешиботники и прочие школяры – «пролетариат» главных «мануфактур» святого града. Было и немало любопытных христиан. В пенсне и только им свойственных дорожных пальто в самой гуще толпы стояли английские туристки, похожие из-за своей худобы, роста и неженской сухости лица, на трех обезьян, поставленных друг на друга.

Среди еврейской просвещенной публики был и представитель ивритской прессы, темпераментный и весьма экстравагантный юноша, который стоял и явно переживал, какое впечатление произведет это непрямое зрелище на христианских туристов из Европы...

Палило пекло мироздания – солнце, и всем в лицо летела раскаленная пыль. Вонь «еврейской улицы», прилежавшей к Яффским воротам, доносилась сюда на крыльях легкого ветра, тщетно пытавшегося хоть немного остудить зной. Усталость и лень разливались по лицам публики, собравшейся в поисках зрелищ. Только некоторые распорядители, служители общества и кормчие его, проявляли натужную корыстную иерусалимскую веру в важность происходящего.

Йосеф Хаим Бренер (1881-1921). «Со всех сторон»

– Иерусалим! – простонал про себя юноша, и глаза его заволкли туманом – Этот святой магазин, в котором все выставлено на витрину... Эта святая мясная лавка, в которой святость продается на вес... Эта дряхлая старуха, никогда не знавшая стыда... Вся ценность которой всегда состояла в том, что скажут о ней другие...

– Иерусалим! – процедил юноша сквозь потрескавшиеся губы – такой город просто невозможен там... в какой-нибудь западной или северной стране... стране, жители которой мужественно трудятся, строят... этот же город, который почти полностью зависит от тунеядства и лживых мечтаний, из которого исходит лезь, ложь, подлость, что еврейская, что нееврейская, для всех народов – такому городу место только на праздном, пестром и утопающем в грязи Востоке, гордящимся лишь затхлыми испарениями прошлого...

– Иерусалим! – юноша проглотил слюну – Город, населенный по преимуществу евреями, да еще какими евреями! Самое толстое звено в цепи! Похотливая еврейская столица, не способная сама удовлетворить ни одну из своих самых насущных потребностей, расчетливая и завистливая до отвращения, не испытывающая никакой симпатии ни к какому месту на земном шаре, столица, не ведающая никакого человеческого труда, заполненная варварскими грезами, но при этом лишенная душевной высоты, павшая до состояния раздавленного червя и заносчивая как потрепанный хасид, вылизывающий подол своего ребе...